

Цикл
Николая Ярыгина
ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Честь имею
Кентийский принц

Николай Ярыгин

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Я79

Серия «Попаданец»
Выпуск 77

Оформление обложки *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Ярыгин, Николай Михайлович
Я79 **Честь имею: Кентийский принц: роман / Николай Ярыгин.** — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-118891-7

После встречи с Алексией тан де Кобург жизнь пошла совсем не так, как рассчитывал Алекс. Наживать врагов легко, встречать лицом к лицу их месть труднее, но наш человек никогда не сдастся. Продираясь через все препоны, схватки с неприятелем, даже кровавые боины, он все равно идет по пути, намеченному судьбою, а что там в конце пути, пока неизвестно никому.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-118891-7

© Николай Ярыгин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается моим близким — Артему,
Кристине и Мишель Левицким.*

Глава первая

Прочитав послание, я осторожно сложил его и снова спрятал в шкатулку.

Вот и думаю я, чей же это сын, мой или Алекса, а с другой стороны, я — это Алекс, Алекс — это я, и нечего ломать голову, воспитывать его буду лично сам и передам все, что знаю. Мне лишь бы поскорей закончить со всеми этими заварушками. Правда, если Юсуф объединит степь и нападет, это будет долгая и кровавая война. Я еще не знал, что все самостоятельные и состоятельные роды отказались на большом сходе участвовать в этой аванюре.

Присоединились к Юсуфу только малочисленные и бедные племена степняков в надежде пограбить. У самого хана было две с половиной тысячи воинов. Как известно, хан Юсуф ину Доршон был из очень славного, но сильно обедневшего и крайне поредевшего рода. Когда-то его родное племя онгуров только воинов могло выставить до десяти тысяч. Но при его прадеде род практически уничтожила эпидемия, болезнь косила людей, как серп траву. Никто не знает, откуда пришло поветрие и отчего оно произошло.

Род вымирал долгих-долгих три года, это тянулось и тянулось. Постепенно их оттеснили с хороших и близких пастбищ, и пришлось племени переместиться на самый юг степи, где песка было намного больше, чем травы. Но все рано или поздно заканчивается, закончилась и черная полоса в жизни онгулов. Женщины рожали мальчиков, и те со временем превращались в мужчин. Племя стало больше разводить овец, которые ели и колючку, и сухую, пожухлую траву, а не буйволов, которым нужна хорошая и сочная трава. И отец нынешнего хана обратился к Эргену ину Бергену, хану одного из родов ингулов, который и захватил большую часть пастбищ онгулов, с просьбой уступить часть бывших пастбищ. Но кто отказывается от того, что уже давно считает своим? И хан Дарга ину Доршон был послан далеко, с просьбой не возвращаться. Зря хан Берген смеялся над Даргой, и зря он назвал его сыном собаки... На следующую ночь около трехсот воинов онгулов напали на кочевье Бергена. Вырезали всех — от мала до велика, забрали только совсем маленьких детей, чтобы вырастить из них онгулов. Племена никогда не кочуют все вместе, а лишь небольшими кочевьями. Поэтому через день было вырезано следующее кочевье, за месяц племя ингулов сократилось более чем в половину. Тут вмешались многие сильные роды, чтобы прекратить кровопролитие и спасти остатки рода Берген.

Пастбища снова вернулись к роду Доршон, но среди степняков род стал считаться отмороженным на всю голову, диким и кровожадным. И с ним стали стараться поддерживать хорошие отношения. Род начал набирать большую силу и постепенно возрождаться. И молодому хану Юсуфу, находящемуся у власти всего пару лет, очень хотелось заявить о себе как о смелом, отважном воине и умном правителе. Из-за этого он и согласился на предложение герцога Жирондо потрепать королевства и немного их пограбить, по неопытности даже не догадываясь о том, что герцог пытается за его спиной осуществить свои далеко идущие планы.

* * *

За эти три дня, в течение которых мы двигаемся к границе со степью, меня замучили песчаная пыль и несусветная жара. Одно спасает: что идем вдоль небольшой, мелкой речушки, и вечером на привале можно смыть всю пыль и грязь, которую собрали на себя за день. Завтра уже должны выйти к границе; сильно сдерживают обоз и пушки, но без них никак не обойтись, поэтому поспешаем медленно. Практически всех конников я отправил в дозор к границе, и каждый день получаю сообщение о противнике.

Утром перед тем, как Данису и Арну уехать, нам удалось больше часа поговорить и обсудить

некоторые важные темы. Сообщил королю, что у меня родился сын, — он вначале очень удивился, а когда узнал подробности, долго хохотал. Все жалел Алексею, потом сказал, что ничего страшного, после Большой войны в Кентии официально вводили многоженство. Потом посоветовал беречь силы и нервы и снова принялся хохотать. Еще я попросил его не притеснять графиню Веленику, а просто поселить где-то недалеко, а прислугу назначить из людей баронета Ривейна. Король нахмурился, бросил взгляд на Арна, но тот все понял и поддержал меня. Данис поворчал для порядка. Мол, взяли моду королю указывать, что делать, но потом улыбнулся и сказал, что и сам так думал.

— Конечно, неплохо было бы ее отправить куда-нибудь, — задумчиво проговорил король, — можно выдать замуж в Барнем или в Кентию. Ладно, время покажет, а тебя, Алекс, я могу сменить, пришлю своих конников, и есть у меня парочка человек — неплохих командиров. Ты же займешься личными делами, но прежде чем передать командование, лично расставишь прибывших воинов, так как будешь знать диспозицию. И границу не переходить, а то получим полномасштабную войну... Очень уж болезненно степняки относятся к посещению их территории вооруженными людьми. Ну разве что разведчики пусть шастают. Ну, а там смотри сам, думаю, тебе на месте видней будет.

В середине дня принесли сообщение, что степняки переправляются на наш берег. Не все, но отряд в триста конников, не меньше. По всей вероятности, решили пограбить близлежащие села, и переправлялись они чуть в стороне от нас, а мы только час как прибыли, начали устанавливать палатки и организовывать лагерь. Пушкари в полукилометре выравнивали площадки и устанавливали пушки, разгружали порох и припасы для стрельбы.

Потихоньку подтягивались мои конники. Сейчас у меня было тридцать арбалетчиков и столько же лучников, двести конников, из них тридцать тяжелых, и двести тридцать копейщиков и мечников.

Поговорив с сотниками, я решил немного потрепать степняков, а если удастся, то и заманить под залп пушек. Сейчас они пограбят и станут возвращаться к броду, и вот тут можно будет организовать засаду. Если же основной лагерь вышлет помощь избиваемым нами степнякам, надо лететь со всех лошадиных ног к лагерю. Ну, а мы со своей стороны постараемся организовать им горячую встречу. Конечно, если степняки всей массой на нас накинута, нам не устоять... Что такое пятьсот воинов против нескольких тысяч, какие бы эти тысячи ни были слабые и плохо вооруженные! Строго предупредил конников, чтобы, возвращаясь и увидев красный флажок, резко уходили в сторону, дабы не попасть под пушеч-

ный залп. Наконец, все согласовав, конники выдвинулись в сторону брода с задачей устроить засаду степнякам. Я же погнал обозников и копейщиков устанавливать флажки для ориентира пушкарям и острые колышки для задержания конницы противника.

Вроде бы всё, все расставлены — и флажки, и колышки... Эх, не сообразил я изготовить «чеснок», ну да что теперь. Время тянулось и тянулось, прошло три часа, потом четыре. Уже думал, все: или ничего не получилось, или нарвались на большой отряд и не могут оторваться и выйти из боя. Но тут один, а за ним еще несколько наблюдателей, сидящих на небольшом холме на деревьях, сообщили, что летят наши, а за ними очень большое войско. Очень много пыли, и плохо видно, но то, что большое, это точно.

Вот из-за перелеска выскочили и понеслись в нашу сторону мои конники, вот они увидели красные флажки, резкий поворот — и уходят в сторону, открывая появляющимся из пыли первым степнякам повозки, стоящие метрах в двадцати впереди пушек, ниже по холму. Несколько палаток и жиденькую цепь копейщиков за какими-то непонятными предметами.

Наверное, подумали, что это обоз и практически незащищенный лагерь горе-вояк. И с радостным криком и воем устремились к нему. Стоило им только поравняться с белыми флажками, как я скомандовал «залп». Все заволочло дымом,

но перезарядились быстро — и снова залп в этот дым. И снова залп, залп, залп, а за дымом слышались крики, вой, стоны, визг людей и дикое ржание коней.

Наконец дым немного рассеялся, и нашим глазам предстала жуткая картина. Горы бьющихся в агонии людей, лошадей и наши конники, рубящие уцелевших, не давая им уйти. Но все-таки три-четыре десятка вырвались и, нахлестывая коней, бросились удирать. Никто их не преследовал. Конники спешили и вели своих коней в поводу, очень уж те устали, да и сами воины прямо шатались от усталости. Сержант кентийцев, который у меня вырос до сотника, доложил, что когда они первую группу вырубали, тут и вторая к броду подтянулась. Ну и с ней завязались, тут уже в лагере не выдержали и отправили на помощь еще несколько сотен всадников. Дождались, пока те начнут переправляться, и кинулись наутек.

Я приказал, чтобы пушкарям и конникам выдали по кружке вина, и отправил всех отдыхать.

— Часа в три ночи будем выдвигаться, — предупредил я командиров, выставил двойные патрули и секреты из копейщиков и мечников. Уже начало темнеть, когда я тоже решил подремать. Но заснуть не мог, все перебирал в памяти прошедшую схватку, видел, как людей трясло и корежило от вида этого побоища, некоторых рвало. Ка-

кие они воины? Войны пятьсот лет не было, где бы они могли ожесточиться и привыкнуть к крови и трупам. То же самое было и возле замка герцога: бледные и зеленые лица, хоть большинство и храбрилось, но все то, что происходило, их пугало и вызывало отвращение.

Глава вторая

— Салах, где мои люди, где воины, которых я тебе доверил? — орал с пеной у рта Юсуфину Доршон. Был он среднего роста, с заметным брюшком и кривыми ногами всадника. Маленькие, глубоко посаженные глазки и большой крючковатый нос, два верхних передних зуба выдавались чуть вперед, и хан немного шепелявил. Ничего выдающегося как во внешности, так и в интеллекте у Юсуфа не было, и если бы не наследственное получение титула, ему бы никогда не стать даже сотником. Амбиции при отсутствии мозгов никогда ни к чему хорошему не приводили.

Он еще долго бесновался и пинал ногами стоящего перед ним на коленях Салаха ин Галаха, своего двоюродного брата. Но все-таки ума хватило не отдавать его палачу, так как в этом случае в бой орду вести надо будет самому. Нет, хан не был трусом, просто знал, что в военных вопросах он профан, вот если что-то обменять продать или купить просто даром, это к нему. Успокоившись, Юсуф налил в пиалу кумыса и выпил.

— Рассказывай еще раз, что там произошло.